

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

КОРТЛАНДТ Ф.

ПРАИНДООЕВРОПЕЙСКИЕ ГЛОТТАЛИЗОВАННЫЕ СМЫЧНЫЕ

(Сравнительно-исторические данные)

Типологическая аргументация. Согласно традиции, индоевропейский праязык имел четыре серии смычных, соответствующих древнеиндийским *t*, *th*, *d*, *dh*. Ларингальная теория убедительно показала, что *th* отражает не единую фонему праязыка, а последовательность «*t* плюс ларингальный». Многие лингвисты заметили, что при такой интерпретации система шумных реконструированного праязыка становится типологически маловероятной. Утверждалось, что следует вернуться к традиционной реконструкции, хотя имеющиеся данные и недостаточны, чтобы подтвердить эту точку зрения. Другие попытались реинтерпретировать триаду *t*, *d*, *dh* таким образом, чтобы привести реконструируемую систему в большее соответствие с типологией. Х. Педерсен установил, что нет надежных этимологий, которые указывали бы на праиндоевропейский начальный *b*- [1]. Поскольку глухой лабиальный смычный *p*- легко утрачивается в ряде языков (например, в кельтских, армянском, японском), Педерсен предполагает, что праиндоевропейский *b* был, вероятно, глухим и слабым, тогда как *bh*, по-видимому, развился из глухого аспирированного. Он сравнивает чередование звонких и глухих смычных с западноармянским передвижением согласных. Ссылаясь на точку зрения Педерсена, А. Мартине предполагает, что праиндоевропейские неаспирированные звонкие могут быть выведены из серии глоттализированных [2]. Отсутствие лабиального, по его мнению, можно сравнить с аналогичным явлением в прасмитском, для которого А. Мартине реконструирует серию глоттализированных, откуда он выводит эмфатические шумные. Н. Д. Андреев предлагает реконструкцию праиндоевропейского без звонких шумных, реконструируя глухие сильные, глухие слабые и глухие аспирированные, соответствующие традиционным *t*, *d*, *dh* [3]. Он объясняет несовместимость сильных и аспирированных в корне правилом ассимиляции. М. Сводеш предположил, что праиндоевропейский и соседние языки имели простые, глоттализированные и аспирированные смычные и что различие между звонкой и глухой артикуляцией было следствием локального варьирования [4, с. 127]. Он отмечает, что индоевропейские простые звонкие смычные соответствуют ряду глоттализированных в других языковых семьях [4, с. 219]. Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. В. Иванов на основе аргументации Х. Педерсена выдвинули точку зрения, согласно которой праиндоевропейские неаспирированные звонкие смычные были глоттализированными [5]. Данная интерпретация позволяет им объяснить отсутствие корней с двумя глоттализированными смычными на основе правила диссимиляции [6]. Сверх того переформулируется закон Грассмана как праиндоевропейское правило аллофонического варьирования [7]. Это, по-видимому, расходится с латинскими данными (ср., например, *fidō* «верю» < и.-е. *bheidh*-). Аналогичная точка зрения была выдвинута П. Хоппером, который указал не только на отсутствие *b* в праиндоевропейском и на ограничения, связанные со структурой корня, но и на отсутствие глоттализированных смычных во флективных окончаниях [8]. Й. Расмуссен предложил вывести традиционные *t*, *d*, *dh* из более ранних, *T*, *t*, *d*, причем «*T* является общим

символом для любого эмфатического смычного, как бы фонетически он ни реализовался (глоттализированный, фарингализированный или просто сильный)» [9]. Та же реконструкция предполагается в «Ностратическом словаре» В. М. Иллича-Свитыча [10]. Она основана на неверном допущении, что глоттализированные или эмфатические согласные являются более сильными, чем другие. Еще в 1948 г. А.-Ж. Одрикур пришел к выводу, что праиндоевропейские неаспирированные звонкие смычные были глоттализированными и что в восточном армянском сохранилось первоначальное произношение [11]. Его аргументация основывалась на типах фонетического развития, засвидетельствованных в языках Дальнего Востока. Отрицательное отношение Ж. Блока и Е. Куриловича к его точке зрения удержало, видимо, А.-Ж. Одрикура от ее опубликования. В своем исследовании я реинтерпретировал *t*, *d*, *dh* соответственно как сильный, глоттализированный слабый и аспирированный слабый [12]. Рефонемизация аспирированных или глоттализированных смычных (или и тех и других) как звонких вызвала ряд передвижений (или слияний) согласных в отдельных ветвях индоевропейского. В индоиранском, балто-славянском, кельтском и албанском как *d*, так и *dh* стали фонологически звонкими. В греческом отмечаются звонкий *d* и глухой *dh*, тогда как в германском наблюдается обратное. В итальянском, где *d* является звонким, и в восточном армянском, где *d* глухой, представлены как звонкий, так и глухой рефлекс *dh*. Ни в азиатском, ни в тохарском фонологически звонких смычных не возникло. Дж. Дункель совершенно справедливо указал на порочный круг в типологической аргументации [13]. Если реконструкция строится с расчетом на типологию, они отклоняются от среднего языкового типа. Но чем больше структура реального праязыка отличалась от среднего типа, тем большими становились различия между реальным и реконструированным праязыком.

Недостатком дискуссии является, на мой взгляд, имеющее, к сожалению, место неразграничение теории и метода. Типологические соображения являются исключительно полезным эвристическим приемом. Однако они никоим образом не могут заменить языковых данных. В связи с этим удивительно, как мало внимания уделяется сравнительно-историческим данным, которые имеют в избытке для тех, кто хочет с ними считаться.

Балтийский. В латышском признак глоттализации сохранился в виде глоттализированного тона на предшествующем гласном в первоначально предударных слогах, например, *peḑs* «шаг», *niḑgs* «обнаженный» (ср. вед. *padām*, *nagnās*) [14]. Глоттализированный тон представляет собой слияние признака глоттализации с рефлексом праиндоевропейских ларингальных. В ударной позиции он сохраняется в жемайтских диалектах литовского [15]. Общепринятая точка зрения, согласно которой глоттализированный тон имеет вторичное происхождение, не может быть верной, т. к. она не объясняет возникновения глоттализации. Более вероятно, что прабалтийский акут являлся гортанной смычкой, которая утрачивалась при движении восходящего и нисходящего тонов, возникших в отдельных языках [14, с. 324—325; 328].

Широко распространено мнение, что прабалтийский циркумфлекс, как и его греческий аналог, возник в результате ранних стяжений, тогда как все древние долгие гласные являются акутовыми. Данная точка зрения неверна. Как я уже отмечал в других публикациях, акут является фонетическим рефлексом праиндоевропейских ларингальных и глоттализации неаспирированных звонких смычных, тогда как все другие древние долгие гласные являются циркумфлексными [16]. Последние включают следующие категории: 1) долгие гласные, возникшие в результате стяжения, например, литов. род. п. ед. ч. *algōs* «жалованье», ср. греч. ἄλφῆς; 2) гласные продленной ступени в им. п. ед. ч. основ на сонант, например, литов. *akmiō* «камень», *duktē* «дочь», греч. ἄχιον, θυγάτηρ 3) долгие гласные в формах претерита, например, литов. *ėmė* «брал», *bėrė* «сыпал», *lėkė* «летел». Акут в *gėrė* «шил» отражает ларингальный в конце корня, а не долгий корневой гласный; 4) формы 3-го л. будущего времени в литов-

ском, например, *duōs* «даст», *kalbēs* «будет говорить». Поскольку долгий гласный не сокращается в многосложных основах, метатония должна по времени предшествовать действию закона Лескина [17, с. 86]. Допуская, что праиндоевропейские ларингальные исчезают после гласных продленной ступени, я связываю метатонию в этой категории с продленной ступенью в формах актива 2-го и 3-го л. ед. ч. ведийского сигматического аориста инъюнктива [18]; 5) гласные продленной ступени в первичных корневых существительных, например, литов. *gėlà* «боль», *žolė* «трава», *mėsà* «мясо», ср. слав. *žabь*, прусск. вин. п. ед. ч. *sālin*, вед. *mās*; 6) лтш. им. п. ед. ч. *sāls* «соль» и *gūovs* «корова», ср. греч. ἄλς, βοῦς, вед. *gāus*. Здесь я также допускаю, что ларингальный был утрачен после гласного продленной ступени. Ожидаемый акутовый рефлекс ларингального находим в литов. *sōlymas* «рассол» [19]; 7) литов. им. п. ед. ч. -ē. Это окончание возникло, по моему мнению, в результате утраты ларингального после гласного продленной ступени в форме им. п. ед. ч. корневого существительного, представленного в литов. *arklīdė* «конюшня», *avīdė* «овчарня», *alūdė* «пивная», *pelūdė* «сарай для соломы», а также в *žvaigždė* «звезда», вед. *-dhā*, лат. *-dēs* и суффиксе аориста пассива в греческом -θη-. В соответствии с этими фактами я приложу к выводу, что праиндоевропейские ларингальные перешли в гортанную смычку, которая совпала с признаком глоттализации неаспирированных звонких шумных. Прабалтийский циркумфлекс представляет собой просто отсутствие гортанной смычки.

Славянский. Общей чертой балтийского и славянского было то, что праиндоевропейские ларингальные фонемы слились с признаком глоттализации неаспирированных звонких смычных, образовав гортанную смычку. В славянском впоследствии имела место утрата гортанной смычки с компенсирующим удлинением соседнего гласного в предударном и втором заударном слогах [17, с. 11]. В ударной позиции и в первом заударном слоге утрата гортанной смычки приводила к возникновению новых тембровых различий. В результате этого наличие (и соответственно отсутствие) гортанной смычки отражается как различие между краткими и долгими рефлексами «долгих» гласных. Это различие, как правило, сохранилось в сербскохорватском, а также оставило следы в некоторых других языках. Так, краткие *ě*, *a* в серб.-хорв. *jabuka* «яблоко», *jedem* «ем», *pādnem* «упаду», *sjednēm* «сяду», *pōbjegnēm* «убегу», *jāgnje* «ягненок», *jāgoda* «клубника» отражают признак глоттализации последующего неаспирированного звонкого шумного.

Долгие гласные без гортанной смычки сокращались в славянском лишь в определенных условиях. Так, гласные продленной ступени являются обычно долгими в сербскохорватском, например, в следующих случаях: 1) слово *žerāv* «журавль» (чешск. *žerāv*) отражает исходную форму им. п. ед. ч. *gerōu*, ср. лат. *grūs* [20]. Долгий гласный согласуется с циркумфлексом в литов. *akmuō* «камень» и лтш. *ābuōls* «яблоко»; 2) сигматический аорист: 1-е л. ед. ч. *dōnījeh* рядом с *donēsoh* «принес» и изолированный инфинитив *rījet* (Дубровник) рядом с *rēči* «говорить» [21]. Аналогично 1-е л. ед. ч. *mriјeh*, *imriјeh* «умер», *klēh*, *zākleh* «покаялся»; 3) тональное чередование между *dāh* «(я) дал» и *dā* «(он) дал» соответствует литов. *dūo-siu* «дам» и *duōs* «даст». Я полагаю, что оно отражает утрату ларингального после гласного продленной ступени в аористе инъюнктива; 4) исконные корневые существительные, например, *rīječ* «слово», тох. В *reki*, ср. вед. *vāk*, лат. *vōx*, прусск. вин. п. ед. ч. *tārin*. Другие примеры: *žār* «горящие угли», *žāra* «крапива», *pōžār* «пожар», *ūgār* «вспышка», *gār* «сажа», *čār* «чары» (чешск. *čār* и *čāra*), *nēmār* «небрежность», *sām*, *sāma*, *sāmo* «один».

Еще одним свидетельством в пользу того, что акут был гортанной смычкой, является тот факт, что он препятствовал прогрессивному сдвигу акцента [17, с. 14]. Это ограничение имеет важную параллель в аварском, где «ударение переместилось на второй слог от первого нефарингализованного» [22].

Армянский. Еще в начале века Х. Педерсен подверг сомнению существовавшие тогда представления о системе армянского консонантизма,

выдвинув гипотезу, согласно которой звонкие смычные классического языка были аспирированными [23]. Эта точка зрения была принята Х. Фогтом [24], детально рассмотревшим данную проблему в специальной статье [25], а позднее В. С. Алленом [26] и Э. Бенвенистом [27]. А. С. Гарибян пошел дальше и высказал предположение, что звонкие смычные в западных диалектах, соответствующие глухим смычным классического языка, представляют собой архаизм [28]. Э. Б. Агаян показал, что эта точка зрения не может быть принята [29]. Сами источники, на которые опирались Х. Фогт и Э. Бенвенист [30], позволяют сделать совершенно равные выводы, которые поддерживаются, видимо, и новооткрытыми южными диалектами [31].

Представленный ниже анализ базируется на трех основных положениях: 1) реконструкция системы общеармянского консонантизма на основе современных диалектов должна логически предшествовать сравнению с материалом других индоевропейских языков; 2) если системы консонантизма двух родственных диалектов различаются более чем одним признаком, исторические связи между ними включают по крайней мере два различных этапа развития; 3) если единый и непрерывный центральный ареал отличается от периферийных ареалов по специфическому признаку, вероятно, что центральный диалект является инновацией.

Чтобы упростить изложение, я пронумеровал современные диалекты так, чтобы первая цифра отражала соответствие с классическим *t*, вторая — соответствие с классическим *d* в начале слова, а минимальное различие между номерами отражало бы минимальное различие между диалектами с точки зрения различительных признаков. В следующей таблице наряду с номером каждого диалекта даны рефлексы классических *t*, *d*, *th* и соответствующий номер в классификациях Х. Фогта [25] и А. С. Гарибяна [28]; кроме того, указываются диалекты, где наиболее последовательно реализуются эти рефлексy.

	<i>t</i>	<i>d</i>	<i>th</i>	Фогт	Гарибян	Примеры
11	<i>t</i> = <i>t</i>		<i>th</i>	4	7	ванский
12	<i>t</i>	<i>d</i>	<i>th</i>	3	6	агулисский
13	<i>t</i>	<i>dh</i>	<i>th</i>	1	2	ереванский
21	<i>d</i>	<i>t</i>	<i>th</i>	—	4	сасунский
22	<i>d</i> = <i>d</i>		<i>th</i>	5a	3	трабзонский
23	<i>d</i>	<i>dh</i>	<i>th</i>	2	1	севасский
20	<i>d</i>		<i>th</i> = <i>th</i>	5b	5	малатийский

Диалекты 11, 22 и 20 возникли, вероятно, в результате нейтрализации фонологической оппозиции. По словам Х. Фогта, «речь идет, очевидно, о вторичном упрощении центральных систем» [25], т. е. 13 и 23. Действительно ли 11 следует выводить из 13? Поскольку эти диалекты различаются по двум признакам, мы должны допустить существование промежуточной стадии. Если звонкость была утрачена раньше, чем аспирация, рефлексy классических *d* и *th* должны были совпасть, чего не произошло в 11. Если аспирация была утрачена раньше, чем звонкость, промежуточная стадия была идентична системе диалекта 12. Однако нет никаких оснований для выведения 12 из 13; возможно, что как 11, так и 13 действительно должны быть выведены из 12. В географическом отношении ареал, который совместно занимают 11 и 12, образует дугу, охватывающую центральные диалекты: Арчеш — Ван — Хой (11) — Агулис — Мегри (12) — Карабах — Канакер (11) — Лори — Тбилиси — Артвин (12). Данная ситуация позволяет сделать вывод, что 13 следует выводить из 12. Диалекты 22 и 20 действительно могут быть выведены из 23, но каждый из них в отдельности можно вывести и из 21, диалекта, который Х. Фогт не принимал во внимание, т. к. его нет в монографии Г. Ачаряна. Более того, 22 может быть выведен из 12 точно так же, как 23 может быть выведен из 13. Выбор можно сделать только на основе географического распределения диалектов. Поскольку положение Трабзона (22) относительно ареала Артвин — Тбилиси (12) является таким же, как положение Малой Армении (23) относительно Центральной Армении (13), есть основания допустить, что исторические связи между диалектом Трабзона и его восточ-

ным соседом были такими же, как связи между 23 и 13. Предположение, согласно которому 13 следует выводить из 12, а также невозможность вывода 12 из 22 приводят к заключению, что диалекты Трабзона и Малой Армении должны выводиться соответственно из 12 и 13. Если это верно, то вышеуказанную дугу можно продлить до Трабзона. Другие части диалекта 22 могли иметь разные исторические связи. Так, изолированный марашский диалект (22) следует, вероятно, выводить из соседнего аджинзейтунского (21). Ареал Малатья — Урфа (20) расположен внутри дуги Сасун — Дерсим — Аджин — Бейлан — Сведья (21) и должен, следовательно, выводиться из последнего диалекта.

Какие различительные признаки могут быть реконструированы для самой ранней стадии архаичного, по-видимому, диалекта 12? Полагаю, что ответ на этот вопрос дает фонетический анализ восточноармянского диалекта, проведенный В. С. Алленом [32]. В данном диалекте неаспирированные глухие взрывные являются глоттализированными, тогда как звонкие смычные классического языка в начальной позиции являются глухими. Следовательно, это переходный диалект между 12 и 11, утративший звонкость *d*, но сохранивший оппозицию между *d* и *t*. Действительно, оппозиция между начальными звонкими и глухими смычными была восстановлена благодаря заимствованию слов *beg* и *boy* [32, с. 202]. Термин «потенциальные звонкие аспирированные», которым В. С. Аллен обозначает рефлексы классического *d* и т. п., ввел в заблуждение Э. Бенвениста, сделавшего на основании этого описания вывод о существовании звонких аспирированных [27, с. 50]. В действительности озвончение и аспирация исключают друг друга, причем «потенциальные звонкие аспирированные» являются звонкими и неаспирированными, если им предшествует носовой, и слабо аспирированными и глухими в конечной позиции после *r*. Это именно те позиции, в которых почти все армянские диалекты обнаруживают соответственно неаспирированные звонкие и аспирированные глухие взрывные [33]. В начальной позиции «потенциальные звонкие аспирированные» являются глухими. «Они отличаются от глоттализированных тем, что имеют не гортанный, а легочный взрыв (*pulmonic plosion*), а от аспирированных — отсутствием глухого выдоха при эксплозии. Однако наиболее характерным признаком, отличающим их от глоттализированных, является то, что последующий гласный артикулируется со значительно более сильным выдохом и с более низким тоном, чем обычно, в сопоставимых контекстах» [32, с. 200]. Перенос различительного признака на последующий гласный строго проводится в части диалектов [41, 34]. В исходной системе гортанная артикуляция глоттализированных была, очевидно, смыслоразличительной. Действительно, слова, заимствованные в XIX в. из русского языка, обнаруживали в армянском аспирированные смычные, например, *p'ec* (< печь), *manet* (< монета) [33, с. 18]. Таким образом, я не разделяю общепринятую точку зрения, согласно которой глоттализированная артикуляция неаспирированных глухих смычных в ареале Тбилиси — Артвин обусловлена кавказским субстратом. Более вероятно, что субстрат просто способствовал сохранению уже имевшегося признака.

Новооткрытые диалекты 21 подтверждают, по-видимому, древность глоттализированной артикуляции. По мнению Гарибяна [28, с. 85—86] и Писовича [33, с. 78], эти диалекты следует выводить из западной системы 23. Поскольку 21 и 23 различаются по двум признакам, мы должны допустить существование промежуточной стадии. Если звонкость была утрачена раньше, чем аспирация, промежуточная стадия была идентична 20. Если аспирация была утрачена раньше, чем звонкость, промежуточная стадия была идентична 22. И в том и в другом случае две серии совпали бы, чего нет в 21. Следовательно, я прихожу к заключению, что 21 нужно выводить из восточного диалекта. Поскольку географическое положение южных диалектов (21) относительно ванского ареала (11) соответствует положению Малой Армении (23) относительно Центральной Армении (13), есть основания полагать, что исторические связи между 21 и 11 аналогичны связям между 23 и 13. Отсюда я делаю вывод, что южные

диалекты развивались из системы их восточного соседа в тот период, когда последний еще не утратил различия между первоначальными (глоттализированными) неаспирированными глухими смычными и теми смычными, которые возникли в результате оглушения классических звонких смычных. Действительно, в патахском диалекте (между ванским и сасунским) различаются две серии неаспирированных глухих смычных [33, с. 66], и он является в этом отношении переходным между 11 и 21. Теперь можно соединить две вышеуказанные дуги: они образуют непрерывный ряд диалектов, которые являются архаичными по отношению к тем, которые расположены внутри ареала.

Была установлена следующая относительная хронология: 1) возникновение аспирации звонких смычных (12 → 13); 2) оглушение неаспирированных звонких смычных (12 → 11); 3) озвончение глоттализированных смычных (11 → 21, 12 → 22, 13 → 23); 4) утрата неаспирированных глухих смычных (21 → 22, 21 → 20). Абсолютную хронологию можно установить только на основании анализа заимствованных слов. Поскольку арабские заимствования подвержены передвижению согласных, а турецкие не подвержены [29, с. 44], следует отнести 3) к периоду между VII и X вв. Возможно, что 1) проходило в классический период, как полагает Джаукян [35].

До сих пор я говорил о взрывных в начальной позиции, т. к. это позиция максимального контраста в армянских диалектах. Такому же анализу можно подвергнуть и другие позиции. Обобщение звонких смычных после носовых и глухих аспирированных после *r* в конечном слого — это, вероятно, ранние процессы, т. к. они затронули подавляющее большинство диалектов. В интервокальной позиции установлены следующие типы:

	<i>t</i>	<i>d</i>	<i>th</i>	Примеры
10a	<i>t</i>	<i>th</i>	<i>th</i>	карабахский, лорийский
11a	<i>t = t</i>		<i>th</i>	ванский
12a	<i>t</i>	<i>d</i>	<i>th</i>	агулисский
20a	<i>d</i>	<i>th</i>	<i>th</i>	малатийский, трабзонский, ереванский, тбилисский
21a	<i>d</i>	<i>t</i>	<i>th</i>	сасунский
23a	<i>d</i>	<i>dh</i>	<i>th</i>	севасский

Ареалы 12a и 23a являются небольшими островками внутри соответственно 10a и 20a, тогда как 11a и 21a значительно меньше, чем 11 и 21. Большая часть восточных диалектов имеет западный (звонкий) рефлекс интервокального *t* и т. п. Почти все северные диалекты были подвержены аспирации интервокального *d* и т. д. На основе предложенной выше методики анализа приходим к той же реконструкции и к той же относительной хронологии, которые были установлены для начальных взрывных, с добавлением одного процесса: 5) оглушение звонких аспирированных (13a → 10a, 23a → 20a).

Реконструированная общеармянская система шумных выглядит теперь следующим образом:

	аспирированные		простые		глоттализированные	
звонкие						
глухие	<i>th</i>		<i>d</i>		<i>t</i>	

Первое армянское передвижение согласных заключается, как видим, в утрате аспирации праиндоевропейского *dh*, в рефонемизации слабого праиндоевропейского *d* в глухой и в ослаблении смычки у праиндоевропейского *t*.

Ведийский и авестийский. Балто-славянские данные указывают на то, что ряд преглоттализированных звонких смычных был наиболее реконструируемым рефлексом праиндоевропейских глоттализированных смычных. А. Лубоцкий привел индоиранские данные в поддержку этой интерпретации [36]. Корень греч. πύριμι «скреплять» представлен в Ригведе следующим образом: 3-е л. ед. ч. *páraje* «застыл, затвердел», *pajrá-* «крепкий», *paksá-* «крыло», *pakšín-* «птица», *pákšas-* «сторона», *pájas-* «поверхность», *pájasyá-* «бок».

Распределение краткого и долгого гласного в корне легко объясняется, если допустить, что ларингальный был утрачен перед глоттализированным шумным, когда за последним следовал другой шумный. Лубоцкий приводит 14 корней, оканчивающихся на «ларингальный плюс глоттализированный смычный» с кратким корневым в древнеиндийском, пять из которых имеют соответствующие формы с кратким корневым гласным в авестийском. Следовательно, закон Лубоцкого должен быть отнесен к индоиранскому периоду. Данный путь развития становится понятным, если последовательность «ларингальный плюс глоттализированный смычный» реализовалась в виде гортанной смычки плюс преглоттализированный звонкий шумный.

Синдхи и панджаби. Гипотеза, согласно которой неаспирированные звонкие смычные в древнеиндийском были преглоттализированными, непосредственно подтверждается этимологическими свидетельствами языка синдхи, в котором сохранилась глоттальная артикуляция. В этом языке имеется трехчленная оппозиция звонких смычных: необусловленные рефлексы серий *d* и *dh* являются соответственно глоттализированными и аспирированными, тогда как диссимилиация серии *dh* перед аспирированными позднего происхождения привела к возникновению серии простых звонких, например, ³*gāh*^u «приманка» < *grāsa-*, *gāh*^u «корм для скота» < *ghāsa-*. Можно показать, что глоттализированные смычные по меньшей мере старше утраты праиндоевропейских ларингальных [37]. Нет оснований утверждать их праиндоевропейское происхождение. Глоттальную артикуляцию нельзя приписать внешнему влиянию, т. к. соседние языки не дают никаких сопоставимых звуков.

Материал языка панджаби также свидетельствует в пользу былого существования преглоттализированных звонких шумных на поздней стадии. В этом языке звонкие аспирированные становились глухими и неаспирированными, вызывая появление низкого тона на следующем гласном, например, *kḍrā* «лошадь», хинди *ghorā*. Поскольку глухие аспирированные сохранились как отдельная категория, серия *dh* не была фонологически аспирированной в период оглушения [11, с. 271]. Из этого следует, что глоттализированные смычные на данной стадии сохранялись. Более того, серия *d* не снижала тона следующего гласного, что также указывает на сохранение признака глоттализации.

Греческий. Общепринятая реконструкция праиндоевропейского слова со значением «сто» **kmtóm* не объясняет начального гласного в греч. *ἑκατόν*. Сравнению этого гласного со словом *sem-* «один» мешает несклоняемость и синтаксическое поведение слова *ἑκατόν*. Первоначальный характер несклоняемости очевиден в связи с сохранением конечного носового в композитах и отсутствием формы множественного числа. Если бы последняя существовала на более ранней стадии, она едва ли была бы замещена производным образованием. Таким образом, я думаю, что греческая форма и ее синтаксис более архаичны, чем принято полагать.

Начальный гласный в слове *ἑκατόν* можно объяснить, если взять в качестве исходной праиндоевропейской форму **dkmtóm* и предположить, что ртвые признаки начального согласного были утрачены, а признак глоттализации совпал с рефлексом праиндоевропейского ларингального *H₁* и дал *e-* с последующей аспирацией по аналогии со словом, имеющим значение «один» [38]. У данной интерпретации, которая основана на предположении, что *d* был глоттализированным шумным в рассматриваемый период, имеется дополнительное преимущество: она объясняет долгий гласный в названиях десятков, например, *πεντήκοντα* «пятьдесят» < *penh^v edkomi-*. Она также объясняет сосуществование южной формы *εἰκοσι* < *éFikosi* и северной *Fíkati* «двадцать», причем обе формы могут быть выведены из праиндоевропейского **dwidkmti*, если допустить, что частичная диссимилиация начального согласного давала *H₁*, а полная диссимилиация — нуль. При этом также предполагается, что глоттализированная артикуляция *d* сохранялась в период диссимилиации.

Когда *d* совпало с H_1 в *ἐκατὸν*, *εἴκοσι* и *πεντήκοντα*? Я полагаю, что *τριάκοντα* «тридцать» < *triH₂d̄kont-* и зап.-греч. *τετράκοντα* «сорок» < *k¹⁰eturd̄kont-* позволяют датировать совпадение *d* с ларингальными периодом после возникновения темброво окрашенных эпентетических гласных, но до окончательного исчезновения ларингальных. Поскольку развитие темброво окрашенных эпентетических гласных является специфически греческим, следует вывод, что праиндоевропейские глоттализированные смычные сохранялись до сравнительно поздней стадии.

Латинский. В латинском находим долгий гласный корня в *āctus* «гонимый», *lēctus* «собранный», где велярный согласный принадлежит к праиндоевропейской серии глоттализированных, и краткий гласный корня в *factus* «сделанный», *vectus* «несомый», где он принадлежит к серии сильных или аспирированных. Балто-славянские и индоиранские материалы показывают, что признак глоттализации характеризовал начальную часть шумного, тогда как аспирация характеризовала его конечную часть в соответствии с законом Бартоломэ. Когда звучность стала фонематической, аспирация в группе *-gh-* была просто утрачена, а глоттализованная артикуляция в *-gt-* сохранялась как различительный признак предшествующего гласного. Как и в приведенных выше греческих и балто-славянских примерах, она совпала с рефлексом H_1 .

Такое же развитие объясняет наличие долгого гласного в названиях десятков, например, *vīginti* «двадцать», *quadragintā* «сорок», *septuāgintā* «семьдесят». Озвончение *k* в *g* в этих словах следует относить за счет предшествующего носового в *septmdkont-* «семьдесят» и *newndkont-* «девятьдесят» [39]. Это правило озвончения было свойственно итало-кельтскому, что очевидно из др.-ирл. *sechtmogo* «семьдесят» в отличие от *cethorcho* «сорок». Количественное различие между лат. *vīginti* и др.-ирл. *fiche* «двадцать», как и различие между лат. *rēctus* «прямой» и др.-ирл. *recht* «право», показывает, что утрата глоттальной артикуляции имела место после распада итало-кельтского.

Признак глоттализации был утрачен после согласного, например, в формах презенса с носовым *stringō* «натягиваю», *pingō* «рисую» < *-g-*, которые совпали с *gingō* «касаюсь», *mingō* «мочусь» < *-gh-*. Этим объясняется и отсутствие долгого гласного в *strictus*, *pictus*, получивших огласовку по аналогии с *factus*, *mictus*. Признак глоттализации был, очевидно, поглощен предшествующим ларингальным в *lassus* «усталый» < H_1dtos точно так же, как ларингальный был поглощен последующим глоттализированным шумным в вед. *pajrā-* «крепкий». Начальный слог основы *sedeō* «сижу» присоединился к форме *sdtos* в *-sessus*. Таким образом, латинские данные подтверждают реконструкцию серии преглоттализированных шумных.

Германский. В своей монографии, посвященной западноютскому толчку (*stød*), К. Рингаард приходит к выводу, что «западноютский толчок встречается только в позиции непосредственно перед взрывными *p, t, k* и во всех случаях, когда они стоят в первоначальной срединной позиции после звонкого в ударном слоге. Исключение составляют определенные типы заимствованных слов позднейшего периода» [40]. «Западноютский толчок представляет собой полную смычку голосовых связок, которая сочетается с движением диафрагмы при вдохе» [40, с. 199], т. е. классическую гортанную смычку. Рингаард датирует возникновение западноютского толчка XII в., потому что он характерен для «всех существовавших тогда срединных взрывных». Его точку зрения, согласно которой толчок является спонтанной инновацией западных диалектов датского языка, едва ли можно назвать объяснением. Более того, она не объясняет и параллельного развития преаспирации в исландском.

Преаспирация встречается не только в исландском, но также в фарерском и норвежском и в гэльских диалектах Шотландии. С фонетической точки зрения предшествующий гласный внезапно прерывается и переходит в шепот, а предшествующий сонорный (*m, n, l, r*) частично или полностью оглушается. Распределение преаспирации в исландском является таким же, как и в норвежском диалекте Эрна [41]. Можно, следовательно,

сделать вывод, что это один из тех признаков, которые были принесены в Исландию первыми поселенцами [42].

К. Марстрандер утверждает, что преаспирация в шотландском гальском обусловлена скандинавским субстратом [43]. Он выдвигает гипотезу, согласно которой норвежские преаспирированные смычные восходят к группам *hp*, *ht*, *hk*, которые в других языках развились в геминаты [43, с. 302]. Данная теория предполагает три пути изменения: *tt* < *ht* в восточноскандинавском, *ht* < *tt* в западноскандинавском и *ht* < *t* в западноскандинавском в тех позициях, где преаспирированный смычный не является рефлексом группы, например, исл. *epli* «яблоко», *vain* «вода», *mikla* «увеличивать», *hjálpa* «помогать», *verk* «работа». Преаспирированный смычный здесь, по-видимому, является фонетическим рефлексом праиндоевропейского неаспирированного звонкого шумного.

Как западноютский толчок, так и преаспирация получают естественное объяснение, если допустить, что ранний прагерманский, подобно прабалто-славянскому и праиндоиранскому, обладал серией преглоттализированных звонких смычных. Оглушение дало серию поздних прагерманских последовательностей *'p*, *'t*, *'k*, в которых гортанная смычка могла в различных условиях утрачиваться. Ослабление гортанной смычки в западноскандинавском привело к преаспирации, тогда как ее ассимиляция с последующим шумным вызвала появление ряда геминат в восточноскандинавском, кроме датского, где эти последовательности подверглись ослаблению и гортанная смычка сохранилась в западных диалектах. Возникает вопрос, не отражают ли швед. *veck*a «неделя», *droppe* «капля», *skepp* «корабль» диалект, в котором отсутствовала самая ранняя утрата гортанной смычки. Может также возникнуть вопрос, не сохранялась ли преглоттализация в начале слова в позднем прагерманском. В пользу этого говорит западноютский толчок в словах *fattig* < *fátókr* «бедный» < «мало берущий», *sytt* «семнадцать».

Выдвинутая здесь теория не только дает простое объяснение западноютского толчка и исландской преаспирации, но обладает также тем преимуществом, что на ее основе объясняется существование нескольких слоев геминат, которые могут теперь рассматриваться как остаточные явления, а не как инновации: 1) *mp*, *nt*, *nk* переходили в *pp*, *tt*, *kk* в большей части Скандинавии. Носовой согласный оглушался, очевидно, под влиянием глоттализации, которая предшествовала смычному, и, следовательно, утрачивал назализацию; 2) *k* переходил в *kk* перед *j* и *w*. Аналогичным образом *t* дало *tt* перед *j* в ограниченном ареале, например, швед. *satta* «ставить». Данное развитие трудно отождествить с изменением *g* в *gg* перед *j*, т. к. последнее связано с преобразованием фрикативного в смычный; 3) *p*, *t*, *k* переходили в *pp*, *tt*, *kk* перед *r* и *l* в западногерманском. Такое же развитие встречается спорадически в Скандинавии. Здесь также геминаты могли возникнуть в результате ассимиляции гортанной смычки с последующим ротовым смычным.

Таким образом, открываются, по-видимому, определенные возможности для интерпретации западногерманского материала. Во-первых, верхненемецкое передвижение согласных могло возникнуть в результате ослабления ртовых смычных с одновременной орализацией предшествующей гортанной смычки. Если это так, то глоттализация должна была сохраняться во время передвижения. Во-вторых, отсутствие аспирированных смычных в голландском и фризском, возможно, обусловлено ранней утратой преглоттализации в данном ареале. В-третьих, гортанная смычка в английском, возможно, является гораздо более древней, чем принято считать. Представляется, что указанные возможности заслуживают дальнейшего рассмотрения.

Заключение. Данные балто-славянского, индоиранского, итало-кельтского и германского указывают на раннее существование ряда преглоттализированных звонких шумных. Эта реконструкция подтверждается данными греческого и армянского. Из современных языков глоттализация сохранилась в латышском и синдхи, а также в литовских, армянских и датских диалектах. Весьма вероятно, что преглоттализированные звонкие

шумные возникли как общая инновация всех индоевропейских диалектов за исключением анатолийского и тохарского, где звонкость так и не стала фонологически релевантным признаком.

Теперь можно вновь обратиться к типологической аргументации, данной во введении. Моя точка зрения, как можно видеть, наиболее близка к позициям Н. Д. Андреева и М. Сводеша: праязык имел простые сильные, глоттализированные слабые и аспирированные слабые смычные, соответствовавшие традиционным *t, d, dh*. Все смычные были обычно глухими, как в современном исландском и в южных диалектах восточного армянского. Это согласуется с отсутствием звонкого аналога у праиндоевропейского фриктивного *s*.

Типологическая реинтерпретация системы шумных была основана на почти полном отсутствии засвидетельствованных форм с лабиальным смычным *b*, на несовместимости двух глоттализированных смычных в корне, а также на несовместимости сильных и аспирированных в корне. Последнее ограничение имеет примечательную параллель в австронезийском [44]. Отсутствие начального *b*- едва ли можно объяснить утратой раннего *p*-, как утверждал Педерсен [1, с. 12]. Я полагаю, что верное решение было предложено Р. Турнейзенем [45]: *b*- утратило признак глоттализации и совпало с *p*-, ср., в частности, вед. *pībati* «пьет», др.-ирл. *ibid*, арм. *əpət* (с вторичным носовым инфиксом), лат. *bibō* (с восстановленной редупликацией). Срединное *-b*- сохранилось, например, в лтш. *ābūbils* «яблоко» < < *abōl*-, литов. *obelis* «яблоня» < *abel*-, русск. *яблоко* < *abl*-, где чередование по аблауту бесспорно свидетельствует о праиндоевропейском происхождении данного слова.

Было выдвинуто предположение, что германский и армянский сохраняют первоначальную глухость праиндоевропейских глоттализированных смычных. Я полагаю, что это неверно. В случае германского тот факт, что признак глоттализации предшествует ртовому смычному, позволяет сделать вывод, что последний был звонким на раннем этапе развития. В случае армянского на основании его тесных родственных связей с греческим, албанским, балто-славянским, индоиранским можно прийти к заключению, что глухость является вторичной. Таким образом, я полагаю, что исходная система не сохранилась за пределами анатолийского и тохарского.

Перевела с английского Сизова И. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pedersen H. Die gemeinindoeuropäischen und die vorindoeuropäischen Verschlusslaute. — Historisk-filologiske Meddelelser, 1951, bd. 32, № 5, p. 10—16.
2. Martinet A. Remarques sur le consonantisme sémitique. — BSLP, 1953, v. 49, p. 70.
3. Андреев Н. Д. Периодизация истории индоевропейского праязыка. — ВЯ, 1957, № 2, с. 7.
4. Swadesh M. The origin and diversification of language. Chicago, 1971.
5. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Лингвистическая типология и реконструкция системы индоевропейских смычных. — В кн.: Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Предварительные материалы. М., 1972, с. 16.
6. Gamkrelidze T., Ivanov V. Sprachtypologie und die Rekonstruktion der gemeinindogermanischen Verschlüsse. — Phonetica, 1973, Bd. 27, S. 153.
7. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Реконструкция системы смычных общиндоевропейского языка. Глоттализированные смычные в индоевропейском. — ВЯ, 1980, № 4, с. 30—32.
8. Hopper P. J. Glottalized and murmured occlusives in Indo-European. — Glossa, 1973, 7, p. 157.
9. Rasmussen J. E. Haeretica Indogermanica. A selection of Indo-European and pre-Indo-European studies. — Historisk-filosofiske Meddelelser, 1947, bd. 47, № 3, p. 11.
10. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения нострагических языков. Введение. Сравнительный словарь (*b* — *κ*). М., 1971, с. 147.
11. Haudricourt A. G. Les mutations consonantiques (occlusives) en indo-européen. — Mélanges linguistiques offerts à Émile Benveniste. Louvain, 1975, p. 267.
12. Kortlandt F. Proto-Indo-European obstruents. — IF, 1978, Bd. 83, S. 107.

13. *Dunkel G.* Typology versus reconstruction.— In: *Bono Homini Donum. Essays in historical linguistics in memory of Kerns J. A. Amsterdam, 1981, p. 566.*
14. *Kortlandt F.* Historical laws of Baltic accentuation.— *Baltistica, 1977, 13, № 2.*
15. *Zinkevičius Z.* Lietuvių dialektologija. Lyginamoji tarmių fonetika ir morfologija. Vilnius, 1966, s. 34.
16. *Kortlandt F.* Long vowels in Balto-Slavic.— *Baltistica, 1985, 21.*
17. *Kortlandt F.* Slavic accentuation. A study in relative chronology. Lisse, 1975.
18. *Kortlandt F.* Archaic ablaut patterns in the Vedic verb.— In: *Hoenigswald felicitation volume (в печати).*
19. *Büga K.* Rinkiniai raštai. II. Vilnius, 1959, s. 584.
20. *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. II. Morphologie. Lyon, 1958, p. 172.
21. *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. III. Le verbe. Paris, 1966, p. 60.
22. *Dybo V., Nikolayev S., Starostin S.* A tonological hypothesis on the origin of paradigmatic accent systems.— *Estonian papers in phonetics. Tallinn, 1978, p. 19.*
23. *Pedersen H.* Armenisch und die Nachbarsprachen.— *KZ, 1906, 39, S. 336—342.*
24. *Vogt H.* Arménien et caucasique du sud.— *NTS, 1938, 9, p. 327.*
25. *Vogt H.* Les occlusives de l'arménien.— *NTS, 1958, 18.*
26. *Allen W. S.* Phonetics and comparative linguistics.— *Archivum Linguisticum, 1951, 3, p. 134.*
27. *Vemeniste É.* Sur la phonétique et la syntaxe de l'arménien classique.— *BSLP, 1959, 54.*
28. *Гарибян А. С.* Об армянском консонантизме.— *ВЯ, 1959, № 5,*
29. *Агаян Э. Б.* О генезисе армянского консонантизма.— *ВЯ, 1960, № 4.*
30. *Adjarjan H.* Classification des dialectes arméniens. Paris, 1909.
31. *Гарибян А. С.* Новая группа диалектов армянского языка.— *ВЯ, 1958, № 6.*
32. *Allen W. S.* Notes on the phonetics of an Eastern Armenian speaker.— *Transactions of the Philological Society, 1950.*
33. *Pisowicz A.* Le développement du consonantisme arménien. Wrocław, 1976, p. 61—62.
34. *Pisowicz A.* Matériaux pour servir à la recherche du consonantisme arménien.— *Folia Orientalia, 1976, 17, p. 215—216.*
35. *Джаукян Г. Б.* Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван, 1967, с. 76.
36. *Lubotsky A.* Gr. *p'gnumi*: Skt. *pajrá-* and the loss of laryngeals before mediae in Indo-Iranian.— *Munchener Studien zur Sprachwissenschaft, 1981, 40, S. 137.*
37. *Kortlandt F.* Glottalic consonants in Sindhi and Proto-Indo-European.— *IJ, 1981, 23/1, p. 17—18.*
38. *Kortlandt F.* Greek numerals and PIE. glottalic consonants.— *Munchener Studien zur Sprachwissenschaft, 1983, 42, S. 98.*
39. *Thurneysen R.* Urspr. *dn, tn, cn* im Lateinischen.— *KZ, 1983, 26, S. 313.*
40. *Ringgaard K.* Vestjysk stød. Aarhus, 1960, p. 10, 195.
41. *Ojtedal M.* Jærske okklusivar.— *NTS, 1947, 14.*
42. *Chapman K. G.* Icelandic-Norwegian linguistic relationships. Oslo, 1962, p. 85.
43. *Marstrand C. J. S.* Okklusiver og substrater.— *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap, 1932, 5, p. 298.*
44. *Bradshaw J.* Obstruent harmony and tonogenesis in Jabêm.— *Lingua, 1979, 49.*
45. *IF, Anzeiger, 1908, Bd. 22, S. 65.*